

Возводимый храм должен стать жемчужиной

Андрей Анисимов

В этом году «Товарищество реставраторов. Мастерские Андрея Анисимова» отмечает 35-летний юбилей. За эти годы ими спроектировано свыше полутора сотен храмов и интерьеров, больше половины из которых уже построено и в России, и за рубежом. Создатель этого творческого альянса заслуженный архитектор РФ Андрей Анисимов рассказал «Журналу Московской Патриархии», что такое современный храм, как в нем сочетать традицию и новаторство и почему ему не нужна церковная ограда.

Современная архитектура как театральный задник

— *Андрей Альбертович, скажите, что такое хороший храм для вас, для архитектора?*

— Прежде всего это удобный храм, в котором люди могли бы сосредоточиться на молитве. Он также должен быть подходящим и для священнослужителей. А то у нас очень часто бывает, что проектируются, к примеру, «зажатые» алтари, в которых невозможно развернуться. Если есть возможность спроектировать храм таким, каким его хотелось бы видеть, то хорошо бы, чтобы в нем было достаточно большое количество помещений — для богослужений, для исповеди, для крещения, для собраний прихода, а еще гардероб и комната, где могли бы находиться дети во время службы. В Минске и на Валааме нам удалось воплотить эти идеи в жизнь: на одной территории там построено и несколько храмов, и мастерские, и музей, и келейный корпус. Я люблю такие храмовые комплексы.

— *Такую многофункциональность диктует время?*

— Конечно! Сегодня храм должен соответствовать потребностям жизни современного прихода, где множество задач решается вне службы. Я впервые это увидел в наших храмах

за границей, когда в середине 1990-х годов оказался во Франкфурте-на-Майне. Как правило, за рубежом православные храмы находятся в каком-то большом городе, и в них по воскресеньям съезжается русская диаспора из разных мест, расположенных иногда за несколько десятков, а то и сотен километров отсюда. Люди приезжают к 9 утра и остаются на целый день. Помню, ни одна машина не отъехала от храма после службы. Верующие, не выходя на улицу,

Во всех храмах, которые мы сейчас проектируем, мы всегда предусматриваем уличное кафе и детскую площадку. И не проектируем ограду, чтобы психологически не было эффекта закрытой церкви.

перешли в огромный приходской дом. В тот день там проходила благотворительная ярмарка, на которую прихожане привезли какое-то свое рукоделие, домашнюю выпечку, антиквариат. Тут же шел небольшой концерт. А потом все отправились на трапезу, после которой началась духовная беседа.

Казанский храм на о. Валаам (слева)

*Владимирский скит
на Валааме*

Мне это очень понравилось. Было наглядно видно, что здесь все организовано для жизни общины и с умом компактно расположено. С тех пор я загорелся идеей строительства храмовых комплексов. Практически во всех храмах, которые мы сейчас проектируем, особенно если у нас есть еще задача обустройства территории согласно Генплану, мы всегда предусматриваем, например, уличное кафе и детскую площадку. И не проектируем ограду.

— Как не проектируете? Почему у храма не должно быть ограды?

— Чтобы психологически не было эффекта закрытой церкви. Чтобы люди не чувствовали, что таким образом часть территории выпала из общего доступа, из парковой зоны, из городской среды. Мы не настаиваем, что везде обязательно должно быть именно так. Просто мы сторонники того, чтобы храмовая территория была открыта и общедоступна. Тем более что современные средства контроля и охраны позволяют это сделать и без ограждения пространства. Мы ведь не можем построить и сдать храм в эксплуатацию, если у него нет видеонаблюдения, тревожных кнопок, антитеррористической защиты, если в целом в нем не предусмотрено

подключение к полицейской системе безопасности и контроля.

— Получается, что забор своей функции сегодня уже не выполняет?

— На наш взгляд, все благоустройство и озеленение можно сделать без забора, без выделения храмовой территории из городской среды. Иногда приходится слышать от местных жителей: «Вот вы сейчас в парке построите трехметровый забор, отгородите кусок красивой земли. А нам негде гулять будет». Зачем давать повод для таких разговоров? Надо открыть территорию храма, и если он стоит в парке, то постараться красиво вписать его в ландшафт.

У наших мастеровских есть пример такой работы в Минске, где мы создали проект храма во имя святого равноапостольного Николая Японского на Каменной Горке. Трудность была в том, что церковь должна была быть построена на территории заповедника с очень интересным ландшафтом и целым собранием редких птиц, животных и растений. Все наши предшественники хотели все холмы и бугры снести и поставить типовой храм. Мы же предложили использовать имеющийся рельеф и сделать храм как бы распластным, чтобы доминантой была

только звонница и главка с крестом. Хотелось, чтобы все остальное не давило и, глядя на наш храмовый комплекс, люди бы понимали, что они находятся в природном ландшафте, потому что храм в него гармонично вписан.

Давно и много мастерские работают на Валааме: нашими специалистами спроектировано на острове уже больше десяти построек. И все они деликатно вписаны в пейзаж. Мы создавали храмы так, чтобы они сильно не выделялись из окружающего пространства. Такую задачу архитекторы редко себе ставят. Обычно хочется сказать: посмотрите, тут XVII век, тут — XIX, а тут — я. А у нас наоборот: вот, пожалуйста, XVII век, вот — XIX, а тут, если приглядеться, — мы.

— *Что не надо огорчать прохожих, это понятно. А почему еще вам так важно не выделяться с постройкой храма?*

— Потому что в этом заключается уважительное отношение к миру в целом: к природе, к людям, к окружающей застройке. На мой взгляд, это дает плюс и церковной архитектуре. За последнее столетие силуэт города сильно поменялся. С современной застройкой состязаться мы не можем. Раньше храмы были самыми высокими сооружениями и являлись доминантами ландшафта. Сегодня мы проектируем в городских микрорайонах. И сколько здесь ни тяни колокольню — хоть 75, хоть 100 метров ее сделай! — все равно рядом окажется жуткого вида хрущевка или, наоборот, расфуфыренная панелька, и с ней невозможно соревноваться. Наоборот, мы используем современную архитектуру как театральный задник, на фоне которого возводимый нами храм должен стать настоящей жемчужиной.

Без рюшечек и финтифлюшечек

— *Что можно посоветовать настоятелю, перед которым стоит задача строительства нового храма?*

— Не пытаться построить Храм Христа Спасителя. Нужно крепко стоять на земле, реально оценивая имеющиеся материальные возможности. Не менее важно найти архитектора с опытом и пониманием, что он будет делать в рамках имеющегося бюджета. Храм не дол-

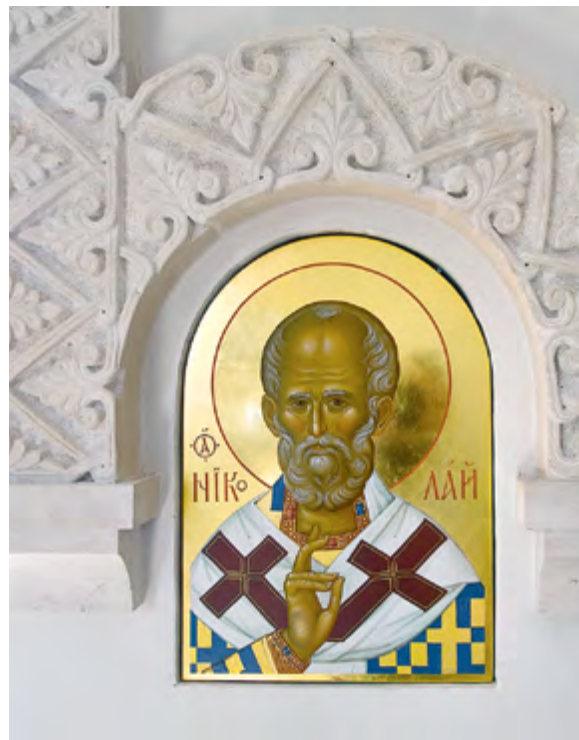
Андрей АНИСИМОВ родился в 1960 г. Окончил Московский архитектурный институт. Заслуженный архитектор России, член-корреспондент Российской академии художеств, академик Академии архитектурного наследия, академик Международной академии архитектуры. В 1987 г. учредил Творческое объединение при Архфонде Союза архитекторов СССР. В 1994 г. оно преобразовано в «Товарищество реставраторов», к которому через 10 лет присоединились «Мастерские Андрея Анисимова». Соучредитель НП «Гильдия храмоздателей». Спроектировал и построил более 150 церковных сооружений — от часовен и иконостасов до храмовых комплексов. В настоящее время работает более чем над 10 строящимися храмами в Подмосковье и на Дальнем Востоке, на Урале и на Кубани, в Приморье, Калининграде, Беларуси. Является организатором фестивалей и выставок мастеров христианского искусства «Дом Господень». Удостоен множества церковных и общественных наград.

жен быть очень дорогим. Более того, его стоимость надо максимально снизить. При этом он должен быть построен по качественному проекту, чтобы исключить многочисленные переделки, всегда увеличивающие стоимость. Необходимо использовать качественный материал. Из всякого вторсырья строить категорически нельзя: все это будет потом разваливаться, промерзать, течь, ржаветь.

Очень важно продумать планировку. Часто проектировщики берут за основу храм Покрова на Нерли или Вознесенский храм в Коломенском. Это великолепные, очень красивые

*Интерьеры
Пантелеимоновского
храма в Нижнем
Новгороде*

Интерьеры храма Сретения Господня в Даниловом монастыре в Москве

церкви. Но это царские храмы, в которых молилась только царская семья и приезжающие к ней гости. Поэтому они маленькие в плане и огромные по высоте (как, например, в Коломенском). Это больше символы, чем храмы (как, например, храм Василия Блаженного в Москве).

Основная задача при возведении храма — это создание пространства для молитвы. Ничто не должно верующего человека от нее отвлекать. Поэтому я сторонник изобразительного минимализма и в иконографической программе, и в декоре.

А приходской храм — это больше псковская архитектура, которая издревле существует в городской среде, где церкви строились с одним или двумя приделами, галереей, пристройками: здесь совершается Литургия, там проходит отпевание... Нашей мастерской близок такой подход к храмовому строительству.

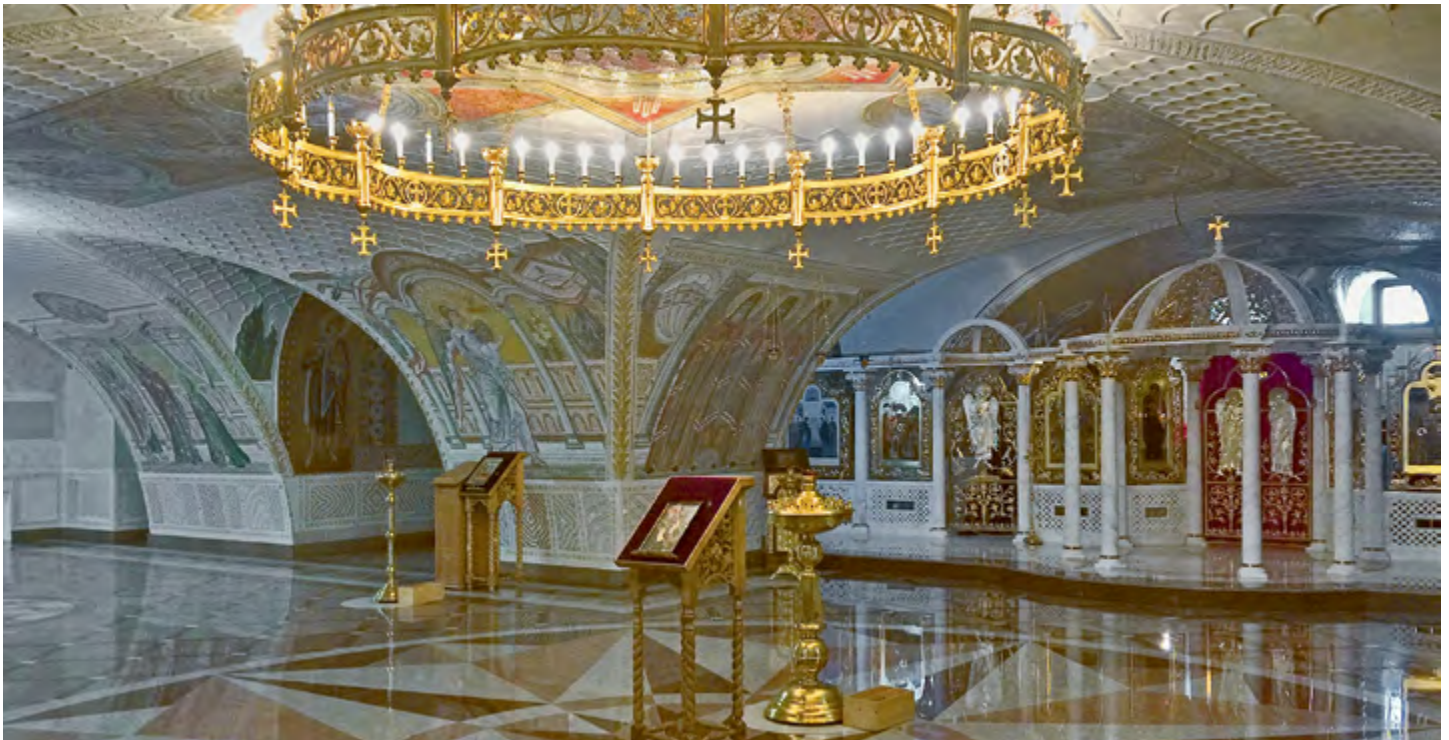
— *От чего бы вы предостерегли людей, приступающих к благоукрашению храма?*

— Повторюсь, что основная задача при возведении храма — это создание пространства для

молитвы. Ничто не должно верующего человека от нее отвлекать. Поэтому я сторонник изобразительного минимализма и в иконографической программе, и в декоре. Записывание стен росписями было оправдано в XVII веке. Сегодня эти многочисленные повествования не нужны; необходимы, на мой взгляд, лишь акценты.

Из внутреннего убранства возведенного нами храма во имя великомученика и целителя Пантелеимона в Нижнем Новгороде по периметру здания на стенах представлена роспись. Это евангельский цикл, посвященный чудесам и исцелениям. Очень строгий иконостас с евангелистами и праздниками. Наверху в куполе — образ Спаса. И достаточно.

Излишек декора, который мы видим, к примеру, в иконостасах эпохи барокко, когда все в какой-то золотой капусте и даны маленькие иконы, не надо повторять. Несколько раз я проводил эксперимент: выходим после службы из барочного храма с моими друзьями-архитекторами, и я спрашиваю у них: иконостас был сколько ярусов, какие там иконы? Никто не помнит, потому что в этой золотой капусте ничего не видно. Так строили в XIX веке. Сегодня надо делать достаточно простые и строгие вещи и впусую средства не тратить.

Не надо увлекаться бездумным декором. У нас есть не очень хорошая любовь ко всяким «рюшечкам». Когда все сделано просто и скромно, то сразу возникает клеймо — протестанты или обновленцы. Но если вернуться к Пскову, то мы видим, что там нет нигде финтифлюшечек, там есть ровные стены, прямые крыши, простые, зеленым цветом выкрашенные главки. Но они потрясающе красиво смотрятся. Эти храмы — вдохновение для многих и многих архитекторов (и не только российских), которые считают псковскую архитектуру вершиной церковного зодчества. Там все просто решено. Это обмазанные стены, маленькие, правильно расположенные окошки, голосники для акустики, скромный декор. Но это очень современно смотрится.

— *Как совместить в храмовой архитектуре традицию и новаторство, чтобы не слепо копировать, а попытаться создать что-то новое?*

— В исторической архитектуре заложено много того, что может быть современным: и в планировках, и во внешнем виде, и в конструкциях. Все это можно найти и использовать. Просто надо захотеть. Что интересно, древние постройки очень современны. Надо сказать, что

во все времена церковная архитектура была передовой среди всего многообразия зодчества. И с точки зрения внешнего образа, и с точки зрения конструкций и материалов. Также церковная архитектура была в лидерах стилистически. Пример тому в ближайший для нас период: сначала появился храм в Абрамцево, только потом к нему подтянулась гражданская архитектура в стиле модерн. Фактически церковная архи-

Интерьеры Благовещенского собора в Серафимо-Дивеевском монастыре (вверху)

Храм во имя святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии при ФНКЦ им. Дмитрия Рогачева в Москве (внизу)

Благовещенский собор в Серафимов-Дивеевском монастыре

тектура сформировала новый стиль — русский модерн.

Сегодня же любая попытка сделать храм в современном стиле вызывает настороженность и часто отторжение. Причин этому две. Первая: определенный консерватизм прихожан. Вторая: неумение церковных архитекторов работать в современной стилистике. Безусловно, это наш профессиональный минус. Современная церковная архитектура появилась в нашей стране в 1988 году, когда архитектором Андреем Родыгиным был спроектирован и построен Введенский храм в селе Сухарево в Белгородской области. Он стал первым, построенным в постсоветский период. К сожалению, за эти тридцать с лишним лет так и не был сделан серьезный шаг к современной архитектуре. Русский модерн в XIX веке просуществовал гораздо меньше — всего каких-то двадцать лет, но за это время сформировался стиль, появилось много толковых мастеров. А в современной

церковной архитектуре происходят бесконечные повторы исторических церковных памятников Монферрана и других авторов, но это, как мне кажется, тупиковый путь.

Дождаться своего Андрея Рублева

— *Какие материалы не следует использовать в храмовом строительстве?*

— Как устроена современная светская коммерческая архитектура? Она должна быть универсальной. Ставится каркас, на который крепится утеплитель, затем изолирующая поверхность, после чего навешивается фасад. Внутри делается перепланировка из гипсокартона. И получается офис. Через десять лет перепродали здание кому-то другому. Все интерьеры снесли, фасад поменяли, сделали большие окна — помещение стало выставочным комплексом. Потом внутри разгородили пространство, и это уже хостел. Таков идеал современной коммерческой архитектуры. В ней используются материалы, которые живут максимум десять лет, после чего они требуют замены.

Мобильная история в сфере коммерческой недвижимости — востребованная вещь, так и должно быть. Но когда она используется в церковной архитектуре, это неправильно. Если из таких материалов мы строим храм, значит мы сразу закладываем в бюджет капитальный ремонт через десять лет. Чаще всего храм строится на средства попечителя, а бремя ремонта обычно целиком и полностью ложится на плечи прихода. А у него часто на это средств не оказывается.

Также нельзя работать с непроверенными материалами: используешь такой при строительстве храма, а через три года он возьмет и отвалится, или растрескается, или осыпется, почернеет или позеленеет.

— *Ваши мастерские уже не одно десятилетие занимаются не только строительством, но и реставрацией храмов. Как вы считаете, можно ли, к примеру, в церкви XVIII века делать современные росписи?*

— Если в ней нет сохранившихся изображений, то по закону можно писать все что угодно, потому что нет исторических росписей и предмета охраны. Но это не значит, что в этом случае

нужно приглашать непонятную артель живописцев, которые неизвестно что выдадут в финале. Если нет талантливого художника или талантливой бригады, то, на мой взгляд, лучше вообще ничего не писать. Задача «распишите мне стены от плинтуса до купола» — неправильная. Записывать храмы среднего качества росписью — это хуже, чем оставить стены белыми.

— *А если за дело возьмутся талантливые мастера?*

— Тогда пусть пишут. Зайдите в Троице-Сергиеву лавру и оглянитесь по сторонам. Вы увидите, что там есть росписи разных веков. Главное, чтобы это было со вкусом. Если священнику достался храм XIX века, то воссоздавать в нем слащавую роспись XIX века — это хуже, чем пригласить какого-то хорошего современного иконописца. Дело в том, что хороших иконописцев в стране от силы два десятка. Есть смысл звать только такого. В моей любимой Черногории в храмах работали одни и те же мастера. Люди терпеливо ждали, когда они освободятся. Было это, правда, давно, в XVI веке. Но ведь и на Руси тоже было так заведено. Древние храмы расписывались тоже не сразу после постройки. Вот освободится бригада Андрея Рублева и Даниила Черного, они и распишут. И сейчас надо так же к росписи храма подходить, с разумением.

— *Есть такое устоявшееся мнение, что хороший храм дорого стоит.*

— Что значит хороший? Удобный, большой, из качественных материалов, с добросовестными строителями, толковыми архитекторами, искусными иконописцами — да, наверное, дорого. Но если сравнить с качеством работ за более низкую стоимость, то вполне возможно, что это окажется не так уж и дорого. Я, к примеру, знаю, за сколько возводят храмы другие артели и за сколько строим мы. Деньги практически одни и те же. Но у нас работают люди, которые проектируют и строят только храмы, и они очень хорошо знают, что они делают. А часто бывает, что люди приступают к работе, не имея никакого опыта в церковном зодчестве. Это всегда плохо заканчивается. Будут частые ремонты, замучают промерзания. Одним словом, будут проблемы, которые поглотят всю эту призрачную экономию.

Владимирский скит на Валааме

Храм надо строить в соответствии с теми средствами, которые есть. Если реально смотреть на бюджет и строить качественно, то будут получаться очень красивые здания. У нас в мастерских как-то была делегация итальянских архитекторов и реставраторов. Мы стали показывать им на экране наши работы, и я попутно рассказываю, что вот этот храм у нас малобюджетный, потому что средств не хватало, и вот этот тоже, и вот этот. Когда закончилась презентация, самый главный из них сказал: «Когда у вас мало денег, у вас получается лучше всего».

Он совершенно прав. Хорошее финансирование — это не главное. Наши храмы, которые хорошо финансировались, поражают обилием мозаики и другой красотой. Когда бюджет ограничен, приходится применять другие приемы. Но за счет правильных пропорций и красоты линий эти храмы действительно получаются интересней.

Беседовала Елена АЛЕКСЕЕВА